О ПРЕДМЕТНОЙ НОВИЗНЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

© 2021 г. А. В. Стовба

Харьковский институт кадров управления, Украина

E-mail: stovba34@mail.ru

Поступила в редакцию 08.04.2021 г.

Аннотация. Данная статья – ответ на критику проф. О.В. Мартышина в журнале «Государство и право» (2020. № 12). Автор, как и прежде, не сомневается в том, что использование новой терминологии и философских методов осмысления права, заимствованных из современных философских течений и пропагандируемых представителями неклассической философии права, дает положительные результаты в философии права и общей теории права.

Ключевые слова: теория государства и права, философия права, методология, неклассическая философия права, темпоральная онтология права.

Цитирование: *Стовба А.В.* О предметной новизне неклассической философии права: продолжение диалога // Государство и право. 2021. № 11. С. 48–54.

DOI: 10.31857/S102694520014545-0

ON SUBJECT'S SPECIFICITY OF THE NON-CLASSIC PHILOSOPHY OF LAW: CONTINUING OF THE DIALOGUE

© 2021 A. V. Stovba

Kharkiv's Institute of Management Studf, Ukraine

E-mail: stovba34@mail.ru

Received 08.04.2021

Abstract. This article is a response to the criticism of Prof. O.V. Martyshin in the journal “State and Law” (2020. No. 12). The author has defended the thesis that there is no doubt as to whether the application of new terminology and philosophical methods of legal reasoning borrowed from contemporary philosophical trends and propagated by the representatives of the non-classical Philosophy of Law has brought positive results in Philosophy of Law and General legal theory.

Key words: theory of state and law, Philosophy of Law, methodology, non-classical Philosophy of Law, temporal ontology of law.

For citation: *Stovba, A.V. (2021).* On subject's specificity of the non-classic Philosophy of Law: continuing of the dialogue // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 48–54.

Перефразируя известного немецкого философа и правоведа Г.-Г. Гадамера, следует сказать, что любое понятие может быть осмыслено лишь как ответ на вопрос, явно либо скрыто заданный. Не является исключением и право. На протяжении двух с половиной тысяч лет правоведа задают одни и те же вопросы (о сущности права, его смысле и основаниях, способе его бытия, возможностях его познания и проч.), которые получают на первый взгляд тот же самый ответ — «право». Вспомним, однако, что «то же самое — это не всегда одно и то же» (“Das Selbe ist nicht immer das Gleiche”) (Хайдеггер). Ведь со времен Анаксимандра, спрашивая о «том же самом», философы права далеко не всегда получают «одни и те же» ответы. Иными словами, термин «право», давая правоведам ответы на «одни и те же» вопросы, представляет собой далеко не «одно и то же» в зависимости от избранного варианта правопонимания. Таким образом, плюрализм подходов к праву, когда, несмотря на внешнюю «омонимию», «право» у Платона не совпадает с «правом» Аристотеля, а правовые воззрения Канта находятся в известном противоречии со взглядами Гегеля либо Маркса, является не «недостатком» либо «показателем незрелости» соответствующей дисциплины, которые необходимо превзойти на некоем «высшем» этапе ее развития, но неотъемлемой чертой философского осмысления права.

Иная ситуация складывается в юридической науке. В отличие от философии, направленной на осмысление *бытия* права, юриспруденция обращается к праву как *сущему*. При этом характерной чертой права как сущего является его инструментальность, присущий ему способ «бытия-подручным» (Хайдеггер)¹. Право всегда находится «под рукой» в ходе «озабоченного обустройства мира». В отличие от философа права, направленного в первую очередь на осмысление того «что есть», ученый-юрист озабочен тем «как должно быть». В своем предельном устремлении юридическая наука направлена на то, чтобы «переделать мир» в нужном направлении, изъав из него «нежелательные явления» (которые маркируются как «правонарушения») и приведя его к некоему «идеальному» состоянию. Иными словами, наличная ситуация, существующая социальная реальность мыслится юриспруденцией как некое несовершенное и несамодостаточное положение дел, своеобразная «промежуточная ступень», которую необходимо пройти и превзойти на пути к желаемому нормативному идеалу — «абсолютному правопорядку», когда все проявления социальной девиации будут устранены, а поведение людей — полностью совпадать с предписаниями нормативно-правовых актов. Однако в силу того, что подобный

«нормативный идеал» практически недостижим (хотя бы в силу его идеальной природы), юридическая наука получает практически безграничную монополию на социальную инженерию, когда содержание нормативного акта априори получает название «права», давая юристам «право» изменять наличную реальность по своему усмотрению во имя «светлого будущего»².

Описанное различие философии права и правовой науки (общей теории права, юриспруденции) находится в центре дискуссии, начатой в 2016 г. российским теоретиком права О.В. Мартышиным (1937–2021)³. Поскольку в его работе содержалась критика тех взглядов и направлений в праве, сторонником которых я являюсь, в виде ответа вышла моя статья под аналогичным названием⁴. Новый виток наш спор получил в декабре 2020 г., когда уважаемый оппонент сформулировал новые возражения и аргументацию, непосредственно касающуюся предмета дискуссии⁵. В силу этого мне кажется необходимым выдвинуть ряд контраргументов.

Так, уточняя свою позицию, О.В. Мартышин указывает, что «дисциплина философия права не обладает уникальным предметом, т.е. таким, которого не касались бы в той или иной мере другие науки, на который философия права имела бы монополию... А вот в философии права трудно найти проблему, которая не рассматривалась бы ни теорией, ни социологией права. Пожалуй, единственное исключение представляет специальное рассмотрение нравственных основ или ценностей применительно к праву»⁶.

Данное утверждение представляется спорным. Как известно, *предмет* представляет собой определенную сторону либо аспект *объекта*, т.е. того явления, на которое направлено внимание соответствующей дисциплины в целом, т.е. в нашем случае — права. Что же является предметом философии права? Подобно общей философии, философия права состоит из онтологии (учения о бытии права, его смысле и основаниях), гносеологии (которая рассматривает проблему познаваемости права), аксиологии (учении о правовых ценностях) и ряда иных разделов. Тем самым становится

² Подробнее см.: *Стовба А.В.* Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 11 и далее, 49.

³ См.: *Мартышин О.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

⁴ См.: *Стовба А.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 88–101.

⁵ См.: *Мартышин О.В.* О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога // Государство и право. 2020. № 12. С. 35–44. DOI: 10.31857/S102694520012729-2

⁶ Там же. С. 36.

¹ См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 69 и далее.

отчетливо видно, что *уникальным предметом философии права* являются как минимум *бытие* права, его *смысл* и *основания*, которые не являются предметом рассмотрения юридической науки, направленной на изучение права как *сущего*. Юридическая наука также не проблематизирует и возможность *познания* права (какое полагается само собой разумеющимся), а потому предмет философии права со времен Канта может и должен быть дополнен еще и *условиями возможности познания права*. Таким образом, неоправданно сужая предмет философии права до правовых ценностей (и то с известными оговорками), О.В. Мартышин, по сути, сводит философию права к аксиологии, игнорируя остальные ее разделы.

Нельзя в полной мере согласиться и с дальнейшей аргументацией упомянутого тезиса российским правоведом. Так, О.В. Мартышин объявляет вопрос о сущности права «главным вопросом философии права», акцентируя внимание читателя на том обстоятельстве, что данная проблема интересует и общую теорию права⁷. Однако выделение подобного вопроса как центрального верно лишь в отношении учения о праве Платона, классической рационалистической философии права Нового времени и, пожалуй, феноменологического направления (А. Райнах, Г. Гуссерль, Н.Н. Алексеев), а на постсоветском пространстве — классической версии либертарно-юридической школы В.С. Нерсесянца. Напротив, для правовой мысли досократиков (Анаксимандра, Гераклита, Парменида), Аристотеля, теологии (Августина, Фомы Аквинского), а также таких влиятельных подходов правовой мысли XX в., как экзистенциализм (который направлен на осмысление существования человека в правовой ситуации), герменевтика (учение об истолковании феномена права), позитивизм (стремящийся сформулировать универсальное понятие права) и ряда других течений, подобная абсолютизация вопроса о сущности права не соответствует действительности.

Наряду с этим голословно и утверждение уважаемого критика о том, что «попытка определить предмет философии права как “предельные основания права” остается на уровне декларации. Не знаю ни одного издания по философии права, где бы “предельные основания” служили бы предметом хотя бы одной главы и рассматривались системно и конкретно. Загадочно и определение предмета философии права как “смысла права”»⁸. Даже если допустить, что проф. О.В. Мартышин не знаком, например, с вышедшей еще в 2003 г.

монографией Ю.Е. Пермякова «Основания права» (которая состоит из семи глав, в каждой из которых разбираются различные основания права)⁹, либо же с работой Г.А. Гаджиева «Онтология права» (2013), где целая глава как раз и посвящена философским основаниям практической онтологии права¹⁰, вряд ли российскому ученому неизвестны воззрения Гераклита (где основания права раскрываются как Логос), Платона (идея), Фомы Аквинского (воля Бога), да, и, наконец, Маркса (воля господствующего класса), а также многих других философов¹¹.

Переходя к ответу на иные замечания, следует предположить, что отмеченная московским ученым «загадочность» определения предмета философии права как «смысла права» тесно связана с выделенным им вопросом о «произвольности» избранных мною методологических оснований, а именно философии Хайдеггера. Как иронически замечает О.В. Мартышин, «как и все представители неклассической философии права, А.В. Стовба не щедро делится секретами методологии, позволяющей проникнуть в тайны бытия»¹². Несмотря на то что подробному обоснованию избранной мною методологии посвящена целая глава моей монографии «Темпоральная онтология права», вышедшей в 2017 г. по результатам защиты докторской диссертации (которая, к сожалению, не упоминается уважаемым оппонентом при критике моих взглядов), с замечанием следует согласиться в том плане, что, конечно же, проблематизация смысла и предельных оснований права требует соответствующего методологического обоснования.

Хайдеггер — автор широко известного «онтологического различия» бытия и сущего. Сущее для

⁹ См.: Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара, 2003.

¹⁰ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права. М., 2013.

¹¹ Как известно, любая значимая философско-правовая концепция имеет свои уникальные воззрения на основания права. Так, например, представители естественно-правовой школы видели основания права в «природе» (Монтескьё, Дидро, Руссо), в разуме (Вольтер, Кант) либо в «Абсолютном духе» (Гегель). В свою очередь, представители позитивистского правопонимания усматривали основания права в воле суверена (Остин, Бергбом) либо же в Основной норме (Кельзен). В XX в. с ростом количества альтернативных вариантов правопонимания проблема оснований права ставится и решается чрезвычайно широко, в диапазоне от «верного решения в конкретной ситуации» в правовом экзистенциализме до «реальности текста» и «ускользающего бытия симулякров» в постструктурализме. Тем самым утверждение О.В. Мартышина о том, что «ему не известно ни одного издания по философии права, где бы его предельные основания рассматривались системно и конкретно», нельзя рассматривать иначе, как риторический прием, поскольку допустить, что ему неизвестны сочинения всех упомянутых выше философов права, попросту невозможно.

¹² Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога. С. 37.

⁷ См.: Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога.

⁸ Там же.

немецкого философа — это все, *что* есть. В свою очередь, сущее имеет различные способы своего бытия — «бытие-подручным» (бытие того сущего, которое мы используем «для чего-то» в повседневном озабоченном устройении мира), бытие-наличным (например, объекты природы), бытие человека (Dasein, сиюбытность), бытие-идеальным (например, математические объекты) и проч.¹³ В свою очередь, бытие как обуславливающее сущее как сущее «есть» само это *есть*. Иными словами, без бытия нет сущего. Вместе с тем неверно понимать дело так, что бытие является неким «свойством» либо «атрибутом» сущего. В той мере, в какой бытие «делает» сущее — сущим, оно представляет собой *смысл и основание сущего*¹⁴.

Применительно к праву это означает, что всякое сущее получает свое «правовое значение» (предмета спора, доказательства, источника права), исходя из *способа своего бытия*. Согласно Хайдеггеру, смысл есть то «откуда», «из чего» мы понимаем нечто как нечто¹⁵ — соответствующее сущее как релевантное в правовом отношении. Тем самым сущее понимается «как» правовое, исходя из способа своего бытия, а этот последний обусловлен тем конкретным происшествием, в котором оказывается вовлеченным соответствующее сущее¹⁶. Иными словами, право как сущее «делает правом» его бытие, которое и оказывается искомым смыслом права как сущего. В свою очередь, предельным основанием бытия права (бытия правового сущего) оказывается правовое происшествие, в котором вершится правовое бытие, т.е. притяжение между деянием, релевантным в правовом отношении, и его правовыми последствиями¹⁷.

Отсюда логически следует и центральный тезис динамического правопонимания, который служит предметом критики со стороны проф. О.В. Мартышина — о *дискретности бытия права*. Если классическое правоведение исходило из того, что право как Должное существует «всегда и везде», подобно воздуху или свету *постоянно* пронизывая собой всю без остатка реальность отношений между людьми, то неклассическое правопонимание заключается в утверждении того, что никакое сущее не является правовым «раз и навсегда». Сказанное верно не только в отношении вещей как «доказательств», «предметов спора» либо «людей» как «субъектов права», которые по окончании правового происшествия «возвращаются в нормальное состояние». Ведь и такое «имманентно правовое сущее», как

закон либо судебное решение всегда могут оказаться «неправом», а именно произволом, облеченным в юридическую форму, либо же «устареть», утратив свою действительность и превратившись в «памятник истории»¹⁸.

Таким образом, фундаментальным различием теории и философии права является то, что для первой из них право «всегда уже есть» как аксиома. При этом «всегда уже есть» следует понимать двояко: как то, что право «всегда уже существует», и как то, что «право всегда есть право», а не «что-то другое» (декларация, карательно-репрессивный механизм и т.п.). Вечное и неуничтожимое бытие права представляет собой настолько самоочевидный, абсолютный и самодостовверный фундамент общей теории права, что последняя не в состоянии даже помыслить его отсутствия, т.е. чего-то наподобие *небытия* права. Даже правонарушение, которое наиболее явно демонстрирует исчезновение, т.е. небытие права в конкретной ситуации, мыслится представителями догматического правопонимания как включенное в структуру бытия права. Как писал Г. Кельзен, «вопреки традиционному воззрению, правонарушение не означает разрыв в бытии права. Как раз наоборот, право сохраняет свое бытие через правонарушение, ведь бытие права заключается в его действительности, в должествовании акта принуждения как последствия правонарушения»¹⁹. Напротив, философия права озабочена тем, что существующее в социуме право в силу различных обстоятельств (революции, диктатуры, войны, наконец, правонарушения) в любой момент может смениться состоянием бесправия, а потому бытие права оказывается дискретным, а само право — «вопросительно выдержанным в возможности небытия» (Хайдеггер). Тем самым философия права вынужденно задумывается и о том, «что делает право — правом?» (Н.В. Разуваев), т.е. над проблемой *оснований права*, а также о том, «откуда», благодаря чему мы понимаем нечто как «право», т.е. о *смысле права*.

Из упомянутого различия следуют и ответы на остальные критические замечания проф. О.В. Мартышина. Так, российский правовед указывает, что «маловероятно, что предлагаемый А.В. Стовкой новаторский категориальный аппарат войдет в арсенал юриспруденции. Юристу трудно согласиться с тем, что понятие “субъект права” следует заменить “правовым существом” или “правовым человеком”, что “правовое событие” или “происшествие”, “как-бытие-с Другими” при всем соответствии последнего философии Хайдеггера гораздо глубже проникают в правовое бытие, чем остающиеся на поверхностном уровне

¹³ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. С. 7, 69, 70.

¹⁴ См.: там же. С. 6, 7, 35.

¹⁵ См.: там же. С. 151.

¹⁶ Подробнее см.: *Стовба А.В.* Темпоральная онтология права. С. 41 и далее.

¹⁷ Подробнее см.: там же. С. 211, 213, 277 и далее.

¹⁸ Подробнее см.: там же. С. 210 и далее, 277, 337.

¹⁹ Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Росс. ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 434.

теории права обыденные понятия “юридический факт” и “правоотношение”. Тонкое различие между “бытием права” и “правовым бытием” может показаться юристу искусственным, избыточным и ненужным²⁰. Конечно, трудно не согласиться с тем, что подобные конструкции сложны для понимания, а их «практическая польза» для решения, например, гражданского либо уголовного дела в суде весьма сомнительна. Вместе с тем если под «практической пользой» понимать не разработку понятийного инструментария для правоприменения, но ответ на вопрос о *смысле и основаниях бытия человека в правовой ситуации, происшествии, событии*, то «польза» оказывается несомненной. Как показала еще практика нацистской Германии, юрист, виртуозно владеющий действующим законодательством, но оказывающийся не в состоянии задуматься над вопросом о смысле права в целом и своего «бытия-как» адвоката, прокурора, судьи в частности, а вместо этого бездумно исполняющий любые директивы законодателя, оказывается не свободным и ответственным профессионалом, но автоматом, «куклой», послушно танцующей под дудку суверена. Описывая подобную ситуацию, известный правовой экзистенциалист (и по совместительству министр внутренних дел ФРГ) В. Майхофер иронически замечал, что «уже давно идут разговоры о том, что философия права “портит” “хорошего” юриста, что она уничтожает его беззаботность и уверенность, а самодовольство его зазубренной ремесленной практики нагружает “угрызениями совести” и “ненужными” сомнениями, образуя у него “нечистую совесть” в отношении его профессии»²¹. Тем самым если гипотетический «юрист» не заинтересован проникнуть в глубинный смысл и основания права либо своего бытия «в нем», но довольствуется исключительно знанием действующего законодательства и правилами его применения, то ему, конечно, не нужна ни философия права, ни философия вообще. И напротив, если юрист вместо того, чтобы бездумно «играть по заданным правилам», стремится постичь смысл и основания происходящего, в которое он вовлечен в силу своей профессиональной деятельности, то у него нет выбора — он обречен на то, чтобы обратиться к философии права в целом и соответствующему инструментарию, в частности.

Нельзя в полной мере согласиться и с остальными полемическими замечаниями проф. О.В. Мартышина. Так, критикуя мои утверждения о принципиальной новизне динамического правопонимания,

²⁰ Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога. С. 40.

²¹ Maihofer W. Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie. Frankfurt am Main, 1954. S. 40.

в частности тезис о дискретности права, ученый задается вопросом: «Не означает ли это, что право обусловлено жизнью общества, закономерно и не только практически не зависит от отношений двух или нескольких “правовых существ”, но обязывает и связывает их априорно в предпринимаемых или не предпринимаемых ими действиях? Но если это так, право “континуально”, а не дискретно и существует *само по себе* (курсив мой. — А.С.), а не только в действиях “правовых существ”, которые его соблюдают или не соблюдают»²². Представляется, что данный вопрос прекрасно демонстрирует принципиальные моменты дискуссии. Дело в том, что, конечно же, ни я, никто другой из представителей динамического правопонимания не будет оспаривать тот очевидный факт, что *содержание* юридических норм, которые действуют в обществе, обусловлено спецификой данного социума — его экономической и политической моделями, культурной традицией, религиозными верованиями и массой других факторов. Однако если акцентировать внимание на упомянутой уважаемым критиком «априорности» правового регулирования, то мы немедленно столкнемся с тем обстоятельством, что подавляющее большинство людей имеют весьма слабое представление о нормах действующего законодательства, а в своей повседневной деятельности руководствуются не чем иным, как *обычаями*, т.е. некритически заимствованными из жизненной практики поведенческими шаблонами. В принципе данный тезис не оспаривают и ведущие представители юридической догматики. Так, по словам Г. Кельзена, трудно определить, является ли в действительности соответствующее правопорядку поведение людей результатом действия того представления, которое отсылает к возможному применению акта принуждения. Разумеется, в большинстве случаев искомое правом состояние достигается за счет совершенно иных мотивов. Не страх наказания или изъятия имущества, а религиозные или моральные убеждения, уважение к социальным нравам, забота о своем престиже в обществе, а зачастую и просто отсутствие побуждений к противоправному поведению чаще приводят к согласию между правом и реальностью²³. Прекрасный литературный пример того, что совпадение поведенческих шаблонов с нормами действующего законодательства зачастую носит случайный характер, — рассказ А.П. Чехова «Злоумышленник», когда крестьянин, открутив гайку на железной дороге, даже не подозревал о том, что совершает правонарушение.

²² Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога. С. 42.

²³ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 436.

Тем самым то «априорное правопонимание», на которое ссылается проф. О.В. Мартышин, на самом деле является сложной смесью моральных, религиозных, правовых, корпоративных и прочих обычаев и традиций, а потому едва ли может считаться «континуальным способом бытия права». Говоря о том, что «право существует само по себе», т.е. в некоем идеальном измерении Должного, уважаемый критик не дает никакого указания на то, как же именно — где, когда, в каком модусе бытия существует «право само по себе»? Конечно, ученый делает оговорку о том, что право существует не только в нормах, но и в правоотношениях²⁴. Вместе с тем, если, как мы показали, совпадение либо противоречие деяний людей и норм позитивного права носит чаще всего случайный характер, можем ли мы называть *правоотношением* то отношение между людьми, участники которого не имеют ни малейшего понятия о том, как именно право регулирует их отношения? В качестве примера можно взять дела частного обвинения. К таковым украинское законодательство относит, например, мелкую кражу, когда преступником и потерпевшим оказываются члены одной семьи. Следует ли понимать вышеприведенный тезис О.В. Мартышина так, что пьяница, обшаривающий карманы домашних в поисках мелочи на опохмелку, вступает с ними в «гражданско-правовые отношения займа» или же, если они обратятся в полицию, — в уголовно-процессуальные отношения «преступник-потерпевший»? Разумеется, нет, потому что в приведенном примере превратятся ли отношения в *правовые* либо же останутся на уровне *морали* — является продуктом выбора заинтересованного лица. В данном случае человек либо предпочтет решить эту ситуацию внутри семьи, в рамках *морали*, без обращения к нормам права, либо же обратиться в правоохранительные органы. Но в этом случае мы как раз и видим наглядную демонстрацию того обстоятельства, что право не существует «автоматически», «само по себе», но «требует» для своего бытия воспроизводства в ходе человеческих деяний. В противном же случае нормы права превращаются в декларацию, становятся «мертвыми», поскольку в действительности не совершается никаких действий, которые «оживили» бы их. Отсюда становится отчетливо видно, что *право не существует континуально*, т.е. «само по себе», но *дискретно воспроизводится* в деяниях людей в их совместном бытии друг с другом. Данный тезис есть сердцевина динамического правопонимания и не имеет

²⁴ См.: Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога. С. 42.

аналогов ни в одной известной автору философско-правовой системе²⁵.

Не добавляет убедительности критике проф. О.В. Мартышина и ироническое его замечание о том, что выделенные мною остальные черты динамического правопонимания представляют собой «каталог “открытий”, который напоминает перечень положений, выносимых на защиту в диссертациях, сочиненных на общеизвестные темы»²⁶. Как уже было сказано, темы философии права действительно общеизвестны и не сильно изменились со времен Фалеса и Анаксимандра, меняются лишь ответы. Представляется, что именно в поиске новых ответов на давно известные вопросы как раз и состоит подлинное бытие философии права.

* * *

Подводя итоги, следует заключить, что критические замечания проф. О.В. Мартышина являются весьма плодотворными. Заново поднимаемые им проблемы предметной идентификации философии права и общей теории права, соотношения классического и неклассического правопонимания, безусловно, способствуют оживлению правоведческого дискурса на постсоветском пространстве. Тем самым настоящий спор самим фактом своего существования указывает на неразрывные — хотя бы и полемические — связи, которые существуют между классикой и неклассикой, философией и общей теорией права и составляют живую ткань правовой традиции. Вместе с тем попытки отстоять существование права «само по себе», т.е. в некоем континуальном идеальном измерении Должного, существующем лишь в сознании его носителя, неизбежно вступают в противоречие как с новейшими достижениями философско-правовой мысли, так и с повседневной жизненной практикой. Ведь подобно профессионалу-спортсмену, ежедневно поддерживающему свою форму, общество и индивид ежедневно должны поддерживать свою правовую форму бытия, постоянно бороться за свои права, отстаивать справедливость, т.к. правовое государство — не результат, а процесс. Он не достигается автоматически раз и навсегда. Уровень правовой жизни необходимо систематически отвоевывать у несправедливости²⁷.

²⁵ Некоторое сходство имеется разве что у немецкого экзистенциалиста Э. Фехнера, который упоминал о «становящемся праве» (“*werdendes Recht*”). Однако немецкий философ права не конкретизировал и не уточнил данный тезис (подробнее об этом см.: Fechner E. Rechtsphilosophie. Soziologie und Metaphysik des Rechts. Tuebingen, 1956. S. 261).

²⁶ Мартышин О.В. О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога. С. 43.

²⁷ См.: Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаджиев Г.А.* Онтология права. М., 2013.
2. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Росс. ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 434, 436.
3. *Малько А.В.* Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 8.
4. *Мартышин О.В.* О предметной и методологической специфике философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога // Государство и право. 2020. № 12. С. 35–44. DOI: 10.31857/S102694520012729-2
5. *Мартышин О.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.
6. *Пермяков Ю.Е.* Основания права. Самара, 2003.
7. *Стовба А.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 88–101.
8. *Стовба А.В.* Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 11, 41, 49, 210, 211, 213, 277, 337.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 6, 7, 35, 69, 70, 151.
10. *Fechner E.* Rechtsphilosophie. Soziologie und Metaphysik des Rechts. Tuebingen, 1956. S. 261.
11. *Maihofer W.* Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie. Frankfurt am Main, 1954. S. 40.

Сведения об авторе

СТОВБА Алексей Вячеславович – доктор юридических наук, проректор по научной и методической работе Харьковского института кадров управления; 61000 Украина, г. Харьков, ул. Киргизская, д. 15

REFERENCES

1. *Gadzhiev G.A.* Ontology of Law. M., 2013 (in Russ.).
2. *Kelzen G.* Pure doctrine of law: an introduction to the problems of the science of law // Russian Yearbook of the theory of law. 2011. No. 4. P. 434, 436 (in Russ.).
3. *Mal'ko A. V.* Category “legal life”: problems of formation // State and Law. 2001. No. 5. P. 8 (in Russ.).
4. *Martyshin O. V.* On the subject and methodological specifics of the philosophy of law and the novelty of non-classical legal understanding: in continuation of the dialogue // State and Law. 2020. No. 12. P. 35–44. DOI: 10.31857/S102694520012729-2 (in Russ.).
5. *Martyshin O. V.* On the features of philosophical and legal methodology // State and Law. 2016. No. 6. P. 20–30 (in Russ.).
6. *Permyakov Yu. E.* The foundations of law. Samara, 2003 (in Russ.).
7. *Stovba A. V.* On the peculiarities of philosophical and legal methodology // Pravovedenie. 2017. No. 4. P. 88–101 (in Russ.).
8. *Stovba A. V.* Temporal ontology of law. SPb., 2017. P. 11, 41, 49, 210, 211, 213, 277, 337 (in Russ.).
9. *Heidegger M.* Being and time. M., 1997. P. 6, 7, 35, 69, 70, 151 (in Russ.).
10. *Fechner E.* Rechtsphilosophie. Soziologie und Metaphysik des Rechts. Tuebingen, 1956. S. 261.
11. *Maihofer W.* Recht und Sein. Prolegomena zu einer Rechtsontologie. Frankfurt am Main, 1954. S. 40.

Authors' information

STOVBA Aleksei V. – Doctor of Law, Vice-rector in research and methodological work, Kharkiv's Institute of management stuff; 15 Kirgizskaya str., 61000 Kharkov, Ukraine